

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук Куприянова Александра Ивановича на диссертацию Дмитриева Андрея Владимировича «Русская регулярная армия в Сибири (1725 – 1796)», представленную к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Актуальность избранной темы определяется тем обстоятельством, что региональная перспектива общероссийского социального, политического и культурного развития по-прежнему недостаточно учитывается при осмыслении исторического прошлого России в современной историографии. Одновременно прослеживается тренд в смещении интересов исследователей к изучению локальной и региональной истории.

Другим фактором, определяющим актуальность темы, является тот факт, что до сих пор недостаточно изучена роль регулярной армии имперского, советского и современного периодов в истории России. До самого недавнего времени фактически все внимание историков уделялось войнам, военным конфликтам и военным реформам. В то время как армия, являясь стеновым хребтом империи, не только выполняла задачи обороны и территориальной экспансии, но была важным инструментом империостроительства и внутренней стабилизации страны, а также проводником процессов модернизации. Как известно, армия далеко не всегда была и является «локомотивом истории» в России XVIII–начала XXI в. В этом историографическом и общественно-политическом контексте проблематика диссертационного исследования А.В. Дмитриева имеет особую социально-значимую, а не только сугубо научную актуальность.

Научная новизна исследования А.В. Дмитриева состоит, прежде всего, в том, что в нем впервые в историографии исследован процесс строительства регулярной армии в крупнейшем регионе Российской империи на протяжении трех четвертей XVIII в.

Соискателем выполнен обстоятельный, как это и должно быть в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, обзор состояния изучения избранной темы. Следует отметить, что соискатель продемонстрировал хорошее знание трудов не только

российских, но и зарубежных исследователей, которые внесли заметный вклад в расширение исследовательского поля истории армии как социального института. При этом по идеологическим причинам до начала 1990-х гг. наши западные коллеги, как, впрочем, и восточные, были лишены возможности полноценной работы с документами военно-исторических архивов России. Разумеется, при таком комплексном исследовании, каким является работа А.В. Дмитриева, невозможно проанализировать все работы, которые затрагивают различные аспекты избранной им темы, но было бы уместно, учитывая использование диссертантом регионально-управленческого подхода, учесть монографию Н.И. Краснякова «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII–начало XX вв.)». (Екатеринбург, 2006).

Исследование А.В. Дмитриева имеет все признаки, которые позволяют отнести его работу к числу немногих трудов, не декларирующих, но реально имеющих комплексный характер. Такая оценка представленной работы еще не означает, что все сюжеты проблемы были подняты в диссертации и получили исчерпывающее освещение. Так, вне поля внимания автора остались проблемы микро-дислокации воинских частей. Значительные воинские контингенты в XVIII веке были размещены не в армейских казармах, а на квартирах городских и сельских обывателей. Постоянная повинность – это тяжелое бремя для населения, и это бремя служило источником постоянных конфликтов между гражданскими и военными. Уже по этой причине ей можно было уделить больше внимания.

В 1-й главе диссертации обстоятельно проанализированы количественные и качественные изменения состава регулярных вооруженных сил в Сибири на протяжении второй четверти – конца XVIII в. Чтобы получить достоверную картину и критически осмыслить противоречивые сведения из работ предшественников, исследователь обратился к релевантным архивным источникам о воинских контингентах в Сибири, их дислокации, реформировании и переименовании армейских частей и т.д. Созданная А.В. Дмитриевым база данных позволила ему корректно реконструировать процесс армейского строительства на территории Сибири в его конкретных проявлениях. Наблюдения и выводы соискателя точны и не вызывают возражения. Вместе с тем, редакция отдельных утверждений выполнена не всегда удачно. Так, на С.62 говорится, что «преемник

Екатерины на престоле отменил ее распоряжение». В результате такой стилистической небрежности у читателя складывается впечатление, что и Екатерина I, и Петр II проводили, подобно Петру I, какую-то собственную политику строительства армии.

Несомненным достоинством диссертационного исследования является стремление автора к сопоставлению полученных им количественных параметров, таких как: доля военных в общей численности населения в Сибири и по стране, доля сибирских контингентов в общем составе армии. Работа А.В. Дмитриева еще больше выиграла бы, если бы у него была возможность сопоставить полученные в результате исследования данные с другими пограничными регионами империи: на западных, юго-западных, северо-западных и южных рубежах.

Ценные наблюдения и выводы содержатся во 2-й главе диссертации, в которой исследуется кадровый состав частей регулярной армии. Автор тщательно прослеживает изменения социального состава гарнизонных и полевых частей в рассматриваемое время. Специальное внимание уделяется офицерскому составу частей регулярной армии. Проведенный анализ кадрового состава офицерского корпуса позволил А.В. Дмитриеву убедительно показать, что на протяжении всего XVIII в. армия была основным каналом вертикальной мобильности в Сибири, как и в целом в Российской империи. Другой важный вывод исследования – со второй половине XVIII в. офицерский корпус частей, дислоцированных в Сибири, состоял в большинстве своем из уроженцев европейской части страны. По мнению диссертанта, это привело «к определенному отчуждению военнослужащих от той социальной среды, в которой они оказывались, находясь к востоку от Урала» (С.222). Следует отметить, что А.В. Дмитриев с осторожностью – «определенное отчуждение» – говорит об отрыве военных от местного общества. В действительности солдаты и офицеры, прибывавшие в Сибирь для службы, нередко обрести родственными связями, вступая в браки с местными уроженками из разных сословий и социальных групп. Об этом, в частности, упоминал капитан И. Андреев в «Домовой летописи». Метрические книги свидетельствуют, что межсословные браки военнослужащих были распространенным явлением в Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в. Например, полковник граф П.И. Ивелич женился на

дочери тарского купца 1-й гильдии Нерпина, а будущий генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский на племяннице того же купца, обеспечившего молодых солидным приданым. Более того, именно после этого брака служебная карьера Броневского понеслась в гору.

Избранный соискателем институциональный подход последовательно выдержан и в 3-й главе диссертации, посвященной материальному обеспечению армейских частей. И при «регулярном государстве» Петра I, и при «просвещенном абсолютизме» Екатерины II, как свидетельствует содержание данной главы, Российская империя не обладала эффективным управленческим механизмом. Более того, автор приходит к выводу, «что с течением времени взаимоотношения между сибирской администрацией и центральными ведомствами становились все менее скоординированными» (С.292). Недостаточное разделение властей и недоработанное законодательно распределение компетенции между ведомствами, дублирование функций приводили к регулярным проблемам в материальном снабжении армии. Эти проблемы нередко решались лишь благодаря тесным контактам между руководителями сибирского региона и командованием расквартированных там армейских частей. Однако эта сторона сотрудничества военных и гражданских руководителей приводила и к коррупционным схемам, например, при закупках провианта.

В 4-й главе диссертации «Служебная деятельность и повседневные занятия военнослужащих» нашлось место и для армейской повседневности, что не часто случается в российской историографии. Обращение к этому сюжету является одним из несомненных достоинств работы. Для изучения войсковых контингентов, располагавшихся в Сибири исследование повседневной жизни особенно актуально. Во-первых, воинские части в Сибири, как правило, не принимали участия в вооруженных конфликтах, занимаясь не только боевой подготовкой, охраной границ и важных государственных объектов, но и выполняя различные вспомогательные функции, которые в то время относились к многочисленным обязанностям полиции. Во-вторых, в связи с передислокацией воинских частей из европейской части Российской империи задача обустройства воинских гарнизонов на какое-то время выходила на первый план. Любое перемещение больших воинских

подразделений – это серьезный комплекс организационных мер, но в условиях Сибири, где до 1725 г., как показал А.В. Дмитриев, фактически не было частей регулярной русской армии, создание условий для несения служебных обязанностей, а также нормальных условий для жизни солдат и офицеров, было особенно сложной задачей, решать которую приходилось с чистого листа.

В диссертации справедливо отмечается, что остается «практически неисследованным вопрос о соблюдении государственных законов и воинской дисциплины». Действительно, в советской историографии доминировал «классовый подход», поэтому бежавшие воинские чины даже редко именовались «дезертирами», а побег солдат рассматривались как проявления «антифеодального протеста». При этом авторы замалчивали, что дезертиры нередко грабили, а иногда и убивали крестьян, насиловали крестьянских и посадских жен и девиц. И сегодня в некоторых трудах в угоду мифу «народ и армия едины» утверждается, что отношения между военнослужащими и местным населением были исключительно дружескими. Исследование А.В. Дмитриева предлагает иной, исторически корректный взгляд на данную проблему. Автором проанализировано 960 формулярных списков за 1730 – 1740-е гг., из которых около 57 % принадлежали гарнизонным офицерам, а остальные офицерам полевых полков, переброшенных в Сибирь. Приведенные им данные убедительно свидетельствуют, что служившие в гарнизонах офицеры допускали втрое больше нарушений, чем люди, которые «тянули лямку» в полевых полках.

Рассматривая уголовные преступления, совершенные военнослужащими, Дмитриев подошел к их анализу с позитивистских позиций. Судебные решения разных инстанций рассматриваются в работе, главным образом, с точки зрения их соответствия формально-юридическим критериями, в частности, Артикулу Воинскому Петра I. Такой подход не позволил автору выстроить полноценный диалог с источником. В результате складывается впечатление, что диссертант выступает сторонником применения жестоких наказаний в духе Артикула Воинского Петра I, предписывавшего едва ли не за каждое серьезное преступление смертную казнь. Например, казус подпоручика Булычова: воровство, хулиганство, нанесение побоев – все эти деяния всё же не заслуживали лишения человека жизни, как справедливо решило командование. Диссертант, как мне

представляется, пошел вслед за источниками, поэтому объяснение причин более мягких судебных решений, вынесенных армейским начальством, по сравнению с приговорами воинских судов, свелось к соображениям «служебной необходимости или практической целесообразности» (С.352). Это объяснение справедливо, однако, лишь отчасти.

Дискуссионный характер имеет вывод автора о том, что смягчение высшими армейскими инстанциями приговоров воинских судов «с течением времени стало приводить к определенному падению дисциплины в рядах регулярной армии к концу XVIII в.» (С.352). Это так, однако для того чтобы разобраться с причинами снижения воинской дисциплины, необходимо вписать историю армии в более широкий социокультурный контекст: учесть такие факторы как смягчение уголовного законодательства, редкое применение смертной казни, отмену телесных наказаний для дворян, изменение представлений дворян (и не только их) о личном достоинстве в царствование Екатерины II, рост образовательного уровня офицерского корпуса. В этом социокультурном контексте смягчение Чичериным и другими командирами наказаний за преступления и злоупотребления служебным положением было проявлением новых тенденций в области судопроизводства. Кроме того, публичная гражданская казнь с нанесением знаков на лицо и приговор к вечной ссылке на Нерчинские заводы были в то время вполне адекватной заменой смертной казни.

А.В. Дмитриев внес достойный вклад в исследование проблематики воинских преступлений и правонарушений, но использовал не все доступные ресурсы. Резервы видятся, например, в сравнительном (армейские и казачьи офицеры) исследовании воинской преступности. В целом, вопросы воинской дисциплины, преступлений, совершенных офицерами и нижними чинами, военного судопроизводства требуют дальнейшего изучения, в идеале – монографического исследования.

К сожалению, «культуртрегерская миссия» армии не получила освещения в диссертации. До сих пор не изучен вклад военных в распространение просвещения и новых форм организации праздничного и повседневного досуга (музыка, театр, концерты, балы, маскарады и др.). Конечно, вся эта внеслужебная деятельность солдат

и офицеров не относится к числу «нуклеарных» проблем темы, но постепенно входит в круг интересов новых социальных историков.

Основные положения, выдвигаемые для публичной защиты, наблюдения и выводы исследования были апробированы на научных конференциях и получили отражение в авторской монографии, 18 статьях в журналах, входящих в Перечень рецензируемых изданий ВАК, а также в ряде других работ, опубликованных в различных научных сборниках и исторических альманахах. Автореферат достаточно полно отражает содержание диссертационного исследования А.В. Дмитриева.

Выносимые на защиту основные положения диссертации являются доказанными и подкрепленными необходимым фактическим материалом. Все это позволяет заключить, что соискателю удалось решить крупную научную задачу. Диссертация полностью соответствует критериям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 28.08.2017), а ее автор – Андрей Владимирович Дмитриев заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Куприянов Александр Иванович,
доктор исторических наук (специальность 07.00.02 –
Отечественная история),
ведущий научный сотрудник
Центра по изучению отечественной культуры
ФГБУН «Институт Российской истории
Российской академии наук»
117292 г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д.19.
Тел.: +7 (499)-126-94-95
E-mail: iriran@mail.ru
12.11. 2018 г.

Подпись _____ удостоверяю
Начальник отдела кадров Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Института Российской истории Российской
академии наук
«12 ноября 2018 г.

